

НА ПРОТЯЖЕНИИ ТЕПЛЫХ МЕСЯЦЕВ 1747 ГОДА ЕЛИЗАВЕТИНСКАЯ СВИТА ПЕРЕМЕЩАЛАСЬ МЕЖДУ ЛЕТНИМ ДВОРЦОМ, ПЕТЕРГОФОМ И ОРАНИЕНБАУМОМ

Миниатюрная и изысканная столица русских фонтанов производила неизгладимое впечатление. И хотя к бочке меда примешивалась ложка густого дегтя, поскольку цесаревич постоянно наряжал молодую супругу в караулы, заставляя ее часами дневалить с мушкетом на изготовку и обучаться ловкостям ружейного боя, прекрасная природа и дивные морские пейзажи прогоняли из ума и сердца тяжелые, грустные раздумья.

«Земным полубогам сооруженный храм...» Ораниенбаумский дворец светлейшего князя Александра Меншикова.

К нам едет гость вдоль нивы золотой...

А НАД КРОВАТЬЮ — НАДПИСЬ ПО-ФРАНЦУЗСКИ...

Как только взбалмошный престолонаследник оставил Фике в покое, она спешила к книгам и читала их запоем, отрываясь иногда, чтобы перевести дух. Сначала внимание привлек старинный опус «Tiran le blanc» («Белый деспот»), потом промелькнула целая вереница европейских романов. В одном, например, автор живописно повествовал о девушке с такой нежной, тонкой и прозрачной кожей, что всякий мог видеть, как по горлу красавицы течет вино, когда она подносит к губам бокал с искристым напитком. Поразительно ценная и полезная информация! Вскоре, правда, беллетристика наскучила: тяжеловесные сюжетные линии и нудные моральные сентенции надоели, до приторности, перекликались и повторялись. Потянуло к иному, серьезному общению с печатным словом.

Катя от корки до корки проштудировала увлекательнейшие письма французской романистки Мари де Севинье, в которых одинокая баронесса обращалась к осевшей в Провансе замужней дочери Франсуазе-Маргарите, к родственникам и закадычным друзьям. Затем мысли и чувства юной девы пленили знаменитый мудрец из Парижа месье Вольтер, близкий тогда ко двору своего короля Людовика XV. От сих произведений нельзя было оторваться без слез и стога, и, пройдя такую литературную школу, великая княгиня заказывала впредь лишь нечто сравнимое. Впрочем, умные фолианты с неба, увы, не падали, и приходилось зачастую поглощать любые попадавшиеся под руку запасы дворцовой библиотеки. Поглощать, сознавая, что не все сочинители — Вольтеры.

«И черный узор оград у каменных гулких крылец...» Любимая петергофская резиденция Петра I — Монплеизир. Терраса, где часто стоял Преобразователь. Художник Семен Щедрин. 1800-е годы.

Занятие было столь же приятным, сколь и вынужденным. Оно отвлекало от суровой будничной прозы, и спустя годы Екатерина печально подытожила, что в ту раннюю пору она никогда не жила без книги и никогда без горя, но всегда без развлечений. Помогал врожденный оптимистический настрой: согревала тайная надежда на щедрый земной венец. Да, да, не небесный, заоблачный, а достижимый, заветный...

МЕД И БРАГА ЛЬЮТСЯ...

Скрытые терзания не могли, разумеется, смирить или хотя бы успокоить шумную коловерть высшего света. Всё, звеня и громящая, несло вперед. 29 июня в Петергофе отметили Петров день — праздник славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла. Вслед за торжественным молебном государыня дала бал на берегу залива, в историческом особняке Монплеизир, возведенном лет тридцать назад при ее августейшем родителе. В маленьком, на голландский манер, зале изрядно веселились и вдоволь вальсировали. Ужин накрыли неподалеку — рядом с садовым фонтаном. Вечер выдался свежим и теплым, и Фике вспоминала, как обожаемый сии райские места «дедушка» восклицал, что морской воздух врачует телесные недуги лучше всяких лекарств!

Но... человек предполагает, а бог располагает. Стоило проголодавшейся публике рассестись возле сервированных столов, как повторилась погодная шутка годичной давности под Ревелем, в имении Екатериненталь, где обедало знатное русское и эстляндское дворянство. Опять хлынул проливной дождь — сущий потоп, от коего промокли до нитки дамы и кавалеры спасались в низеньких галереях гостеприимного Монплезира. Туда перенесли кушанья и приборы, причем жаркое и со-

усы с приправами буквально плавали в воде, а скатерти и салфетки можно было отжимать — как после хорошей стирки.

Банкет с ливнем стал довольно крупным событием тихого петергофского життя. Почти сразу свита перебралась в Ораниенбаум. Монархиня пожелала приехать верхом на лошади в компании двух иностранных послов — австрийца Иоганна фон Бретлаха, с кем был подписан завизированный еще во время прошлого года прибалтийского путешествия Елизаветы Петровны военно-политический союз с кайзеровской Веней, и англичанина (вернее, шотландца) милорда Гиндфорса, с чьим повелителем Георгом II Зимний дворец тоже намеревался выстроить добрые и устойчивые отношения.

Впрочем, сын гордого Альбиона мгновенно пал жертвой брутального пьянства: два старых испытанных собутельника, барон Бретлах и канцлер Бестужев-Рюмин (лучший, как показала скандальная история с церемониймейстером Санти, «друг» Екатерины), без устали потчевали Гиндфорса рюмками, стаканами и фужерами, полными до краев вином и водкой всех европейских марок. Звучали задушевно-высокопарные тосты, отказываться от которых по официальным стандартам — смертный грех. За самодержию. За короля. За кайзера. За волшебный Петербург. За неповторимый Лондон. За сказочную Вену. За мир, за победу, за торговлю! В результате к вечеру малахольный сэр лежал на диване, словно сраженный боевой пулей, а барон с графом, смешливо перемигиваясь, наливали чарки и подхватывали вилками закуски.

Ее величество не соизволила заночевать в Ораниенбауме. Отужинав, Елизавета вернулась в Петергоф. Дипломаты же — под дирижерской палочкой Алексея Бестужева-Рюмина — пробудились поутру в отведенных им палатах, ополоснулись водой, сытно позавтракали и, попрощавшись с сановниками, направили стопы в Северную столицу. Да, говорили шепотом искусственные вельможи, на континенте заваривается какая-то крутая и несъедобная каша. Ну а великокняжеская чета отдышалась в бывшей усадьбе князя Меншикова еще недели полторы, причем Петр Федорович неустанно дрессировал своих благородных собак, а Фике охотилась — «по лесам и долам» — на пернатых птах, давая иногда нести тяжелое ружье одному из сопровождавших ее пажей.

ОБМАНУЛ ТЕБЯ ТВОЙ ЛУКАВЫЙ РАБ?

Многоверстные переходы, естественно, утомляли и изнурили, требуя взамен интеллектуального уравновешивания. Таковое давалось благодаря думам о днях давно минувших и ныне крепко забытых.

...Лето 1689 года (как позднее и лето

«Не многим, может быть, известно, что дух его неукротим...» Украинский гетман Иван Мазепа (1640 — 1709).

1747-го) было ознаменовано не только подкованными играми, переросшими в открытые битвы, но и, как ни странно, перспективными дипломатическими контактами. В разгар борьбы между тронным братом и честолюбивой сестрой, на другое утро после бегства Петра из села Преображенского в Троице-Сергиеву обитель, к Калужским воротам Первопрестольного града подъехала именитая персона — гетман Войска Запорожского Левобережной Украины ясновельможный пан Мазепа. Несмотря на остроту момента, Ивана Степановича встретили со всеми подобающими церемониями.

Регентша Софья Алексеевна и князь Василий Васильевич, не сомневаясь в преданности стрелецких отрядов и будучи уверенными в своем скором успехе, подали высокому визитеру роскошную карету, в которой двигались к Кремлю лишь полномочные представители зарубежных суверенов. Князь Голицын приветствовал гетмана хвалебной речью на божественной латыни. Непростой гость — блестящий полиглот, свободно изъяснявшийся на семи языках и слагавший в подражание Вергилию и Горацию мелодичные латинские вирши! — отвечал радушным хозяевам не менее выпренно и утонченно. Те кивали и улыбались. Но пан Мазепа не был бы самим собою, если бы — деятель европейского уровня! — не уяснил «здесь и сейчас» общую обстановку в Москве. А уяснив, не устремился бы за 65 верст в легендарную Троицу — смерить орлиным оком новый центр державной мощи.

Государев «дядька» князь Борис Алексеевич — истый кузен своего кузена! — допустил Мазепу к Петру не сразу, а посоветовавшись со служилым людом. Царь и гетман полюбились друг другу, что называется, с первого взгляда. Возникли абсолютное понимание и безграничное доверие. И тут же, взвесив «сухой остаток» Фике, придворная братия стала неторопливо перебирать крупку для рассыпчатой политической каши...

Яков ЕВГЛЕВСКИЙ